

Биография Евдокии Васильевны отсчитывает девяностый год. За плечами большая жизнь, наполненная радостями, горестями, разочарованиями, надеждами. В общем, типичная жизнь обыкновенной российской женщины, втянутая в сферу сложной, подчас жестокой реальности. Выпестованная на традиционно высоких нравственных устоях (мать Евдокия Матвеевна была кулугуркой, как и многие жители Новой Михайловки), она всю жизнь старалась блюсти моральные принципы, которые далеко не всегда благосклонно воспринимали люди, пораженные искусом.

Отец, Василий Сафронович, слыл в округе мастером на все руки. Казалось, нет такой специальности на селе, которую бы он не освоил. Высшим проявлением его таланта явилось деланье гармоний с русским строем. За плодами его рук любители ехали издалека, заказывая наперед музыкальный инструмент с пришедшими в голову изысками. Фантазии заказчика мастер терпеливо воплощал в реальность. Доброту и степенность нрава Евдокия Васильевна переняла от него.

Замуж вышла после войны, когда с фронта потянулись по домам опаленные в жестоких сражениях солдаты. Выбрал участницу трудового фронта комиссованный с действующей армии по ранению разведчик Иван Петрович Назаров. На фронт ушел добровольцем. Окончил школу по подготовке диверсантов в Москве и получил направление в один из партизанских отрядов, действующих в Белоруссии. 122-й белорусский партизанский отряд рвал мосты, железнодорожные пути и эшелоны. Урон наносил противнику тяжкий. Немцев это бесило, и они проводили карательные операции, во время которых в лесах, Пинских болотах вспыхивали ожесточенные бои. В одной из таких стычек Назаров был тяжело ранен в ногу. Ситуация была настолько сложной, что потребовалась эвакуация на большую землю, чтоб передать бойца в руки опытных хирургов. Отважного подрывника и разведчика самолетом отправили в тыл. Нога была спасена, а с нею и жизнь. Но ранение наложило отпечаток на все оставшиеся годы.

Инвалид второй группы работал физруком в школе, инструктором в райкоме, а после окончания трехгодичной партшколы - председателем колхоза в селе Конопать. Семья Назаровых обзавелась к тому времени детьми. Вот с этого момента в спокойную семейную жизнь вторгся субъективный фактор.

После губительного недорода послевоенных лет наступила полоса урожайных лет. В Конопати тоже вырос добрый колос. Председатель посоветовался с механизаторами: — Как будем убирать урожай? Зерно сухое, не успеем вовремя, осыпется колос. А установка: сваливать ниву в валки.

Собрание неодобрительно загудело. С мест слышались выкрики.

— Послушайте, мужики, - встал со скамьи один из механизаторов с убеленной головой и

натруженными руками, - я всю жизнь ращу и убираю хлебушек и знаю – пойдет дождь, в валках погибнет урожай. А хляби небесные разверзнутся. И по приметам, и по моим наблюдениям так выходит. Поэтому убирать надо напрямую.

Народ одобрительно зашумел. На том и порешили. Убрали хлебушек посуху. В других хозяйствах, поступивших согласно обкомовской инструкции, много хлеба погубили в валках. Чертыхались механизаторы, в сердцах меж собой разные слова говорили, тыкая пальцем наверх. Но что они могли сделать против установки партии?

На самоуправство Назарова, «руководящая и направляющая» вкупе с правительством отреагировали скоро. Сначала уполномоченные с республики донимали, а потом и высшее начальство пожаловало в Конопать.

— Что за самодеятельность здесь развели? – горячился Председатель правительства Мордовии, - ни партия, ни правительство вам уже не указ? Мы ваши антисоветские деяния на корню пресечем! Под суд пойдете, Назаров.

— Позвольте мне сказать? – обратился к высокому начальству тот самый пожилой механизатор, который ратовал за прямое комбайнирование.

— Что ты сказать-то можешь, когда налицо саботаж линии партии и правительства?

— А то и скажу, что не один Назаров решал, а все колхозное собрание постановило убирать ниву напрямую. И мы оказались правы: до зернышка все убрали и засыпали в закрома, с государством сполна рассчитались. Вы говорите: линия партии и правительства... По вашему выходит государству не хлебушек нужен, а выполнение инструкции? Нет, мил человек, сдается мне, что это ваше мнение, а не партии и правительства.

Оставили Назарова в председателях, но «зуб» на него начальство затаило. И вскоре случай достать самостоятельного вожака колхоза представился.

Евдокия Васильевна продавцом работала в Конопати. На складе произошла кража. Приехали следователи. Бегло осмотрели помещение, примыкавшее в магазину.

— Сами вы это организовали, чтоб прикрыть недостачу. Дело будем заводить, - ухмыльнулся милиционер.

— Позвольте вам заметить, - возразила Назарова, - видите, наверху доска сломана? Значит, воры были. Причем, подростки, так как в эту дыру взрослый человек не пролезет. И взято мизер: конфеты, печенье да бутылка водки.

— Водка! Ну, ну, посмотрим, - следователь запустил в ящик руку.

Одну бутылку взял себе, вторую отдал напарнику. Подумав, взял еще одну и положил себе в сумку.

— Это вещдоки! – и многозначительно поднял указательный палец вверх.

Вещдоки исчезли насовсем. По предположению Назаровой, в чреве этих следователей. И быть бы обвиненной в краже Евдокии Васильевне, если бы не нашлись настоящие воры – местные мальчишки залазили в склад.

А когда по анонимному доносу приехал прокурор и стал разбираться в том, что Евдокия Васильевна, якобы, избивает конопатских женщин, Назаровы поняли: начальство не забыло непослушного председателя и хочет выжить «не мытьем, так катаньем» с должности.

— Давай, Ваня, уедем отсюда по добру, по здорову, - попросила мужа Евдокия Васильевна. Тот согласно кивнул головой.

Вернулась семья в Новую Михайловку. Поступила работать в детский дом для

инвалидов. Никто туда не шел убирать. Она согласилась. А когда в 1957 году детдом сгорел, похоронив под собой трех ребятишек, его убрали из села. Жизненная стезя привела ее опять в торговлю. Так и проработала до пенсии за прилавком.

За что бы ни брались Назаровы, все у них ладком получалось. Оставил свекор Петр Трофимович Назаров часть пасеки сыну в наследство. Всего-то пару ульев. Вскоре стало 18 колод в саду. Мед расходился на «ура» потому, что душист был и вкусен.

— Вот попробуйте тридцатилетней давности наш медок, - засуетилась хозяйка, - две фляги осталось с тех времен. До сей поры так и едим.

Мы продегустировали пчелиный продукт. Он до сих пор не утратил всех своих великолепных качеств. У современных пчеловодов редко такой отыщешь.

— Зять Павел Николаевич Демин привез современный мед литра полтора, да так и стоит, душа его не приемлет, - махнула рукой Евдокия Васильевна.

Как жене инвалида ВОВ выделили ей квартиру в Саранске, пенсию хорошую положило государство, кое-какие дивиденды имеет — помимо.

— Жаль, только мой Ваня не дожил до этих дней, - вздыхает старушка, - жить бы да жить сейчас, не то, что во времена нашей молодости.

Сердобольный характер и обостренное чувство справедливости этой женщины выносили ее на стремнину помощи людям. В трудные времена шила людям одежду, навещала в больнице совершенно чужих людей, помогала, чем могла всем нуждающимся. Господь наградил ее за доброту хорошими зятьями и замечательными внуками и внучками. Все они около нее роем вьются, не знают чем и угодить. «А мне сейчас, кроме их уважения, да почитания ничего не надо», - говорит она. - И рада я тому, что они стали настоящими, благочестивыми людьми».

Н. ДЮЖЕВ.